

Государственное учреждение образования
«Средняя школа № 24 г. Борисова»

*Кирилло-Методиевские чтения «Аллея героев»
«Подвиг народа»*

(секция «Я помню, я горжусь»)

Автор: Руденко Станислав 6 «Г» класс

*Руководитель: Пригаженок Ирина Геннадьевна,
учитель математики*

Аллея героев

Купянская (Городинец) Мария Павловна
28.01.1925., г. Борисов

Родилась в семье рабочих. Брат 1937 года рождения, инвалид, парализованный, сестра 1932 года рождения. В 1941 г. окончила 7 классов.

Началась война, но уехать из Борисова мы не смогли.

Наш дом находился по переулку Батарейному возле Центральной городской больницы. В этой больнице немцы открыли госпиталь, где находились их раненые солдаты. В этом госпитале работали советские военнопленные. Моя семья установила связи с медсестрами из госпиталя, которые стали нам помогать медикаментами. Мы связались с партизанами. К нам приходили Борис Кочан, Николай Голковский и многие другие партизаны.

Наша квартира стала явочной. Моя подруга Зинаида Писаренко устроилась на работу в госпиталь, который находился возле военного городка Лядище. Она приносила мне медикаменты, детали к оружию, а я передавала все это в отряд.

Необходимые сведения я получала в комендатуре и в штабе СД, где работали мои друзья. В 1942 г. меня зачислили в отряд «За Родину» бригады им. Пономаренко. Я стала связной.

Так как в Борисове находился лагерь военнопленных, мне поручили особое задание — освободить пленных из лагеря. Мне в этом помогали

женщины. Вырученных пленных устраивали на работу. Потом их переправляли в партизаны. Немцы же заставляли русских пленных воевать против нашей Родины в составе «народников».

Шел 1943 год. Из отряда пришел приказ переправить в партизаны 80 человек. 25 декабря 1943 г. я пошла на задание в Лядище. Там меня узнал полицай, видимо, по доносу. Меня арестовали и держали в полиции, где пытали и били плетками, но я ничего не сказала. Через неделю меня и еще 9 человек отправили в тюрьму. Там я пробыла до марта 1944 г. Затем нас вывезли на Борисовский полигон на расстрел, но все же суждено было жить: нас двоих оставили на машине с полицаем. Затем повезли в лагерь, который находился возле фабрики «Коминтерн». Гоняли на фабрику работать, кормили баландой, в которой плавали черви с черными головками.

Из этого лагеря погрузили в вагоны и отправили в Минск. 7 мая 1944 г. отправили в концлагерь Освенцим. Когда мы прибыли в лагерь, нас повели в какую-то баню. Но нас не мыли, а заперли. Потом отправили в крематорий. Приказали раздеваться, а вещи складывать в мешки. Это было в мае, в сорока километрах от Карпатских гор. В помещении, куда нас привели, все окна были открыты. Голые, на сквозняке, мы стояли, прижавшись друг к другу.

Потом пришел какой-то немец и спросил: «Вы русские?» Мы ответили: «Да!» Он открыл дверь, и нас по очереди стали вводить в баню. Затем приказали окунуться в корыто с синей водой, оттуда — в душевую камеру. Из крана лилась холодная вода. Постригли, потом одели: короткая рубашка (один рукав длинный, другого не было вообще), трусы, носки (один белый, другой черный), обувь (деревянные колодки), платье (серая полоска и синяя на спине). Мы не могли друг друга узнать. Потом опять повели в баню, в которой нас заперли. Туда пришли две немки и стали накалывать на левой руке номера. Мой номер 81451. Оттуда нас повели в бараки. Женщины содержались в особом лагере. Я попала в 18-й карантинный блок.

Мы жили в холодных, сырых и темных бараках. Спали на голых нарах по 5 человек. Утром нас выгоняли на проверку. Длилась она по несколько часов подряд, многие не выдерживали и теряли сознание. После проверки вечером давали стакан горького напитка, а в обед — пол-литра баланды из гнилой вонючей брюквы и маленький кусочек черного хлеба наполовину с опилками. От такой еды многие болели.

Медицинской помощи не было никакой. В лагере была больница, но туда никто не хотел попадать, потому что мало кто возвращался оттуда живым. Если болеешь, то боишься признаться,

потому что лечения нет. Лечить водили в крематорий, а оттуда возврата нет.

Каждый день нас гоняли на работу. Мы копали траншеи, носили землю, строили высокие насыпи. Гоняли на поля. Там мы носили рельсы, на них ставили вагонетки, насыпали землю и везли на другой конец поля. Там высыпали землю и обратно на себе тащили рельсы. Некоторые женщины-узницы не выдерживали таких издевательств и бросались на электрические провода, которыми был огорожен лагерь.

В лагере был день, когда делали отбор узников в крематорий. В этот строй попала и я. Нас пригнали на площадь, приказали раздеваться догола. Нас выстроили, а затем немец с палкой начал отсчитывать. Каждый десятый узник попадал в крематорий. Мне на этот раз повезло...

Напротив 18-го блока за проволокой проходила железная дорога. По ней везли евреев. Немцы сортировали людей в 3 группы: мужчин — в одну, женщин — в другую, а детей — в третью. Вещи отбирали, а людей вели в крематорий.

Однажды был такой случай. Нас погнали сушить сено. Мы услышали крики, подкрались к кустам и увидели такое зрелище: узников уничтожали не только крематории. Рядом с крематорием была вырыта огромная яма, в которой

полыхал огонь. В эту яму толкали голых людей, а детей брали за ножки и бросали в костер.

Некоторое время спустя нас, узников Освенцима, погрузили в вагоны, в которых возили уголь, и отправили в концлагерь Равенсбрюк. В этом лагере было еще хуже. День и ночь горели люди в крематории. До нас доходили слухи, что Красная Армия освободила Беларусь.

Нас опять погрузили в вагоны и привезли в лагерь Эберзвальде. Там нас кормили баландой с мясом дохлых собак. Утром гнали на работу на снарядную фабрику, которая находилась в подземелье. Работали по 12 часов, разгружали необработанные снаряды, которые весили по 16 кг каждый. От такой работы люди теряли сознание. На фабрике обрабатывали снаряды. В отдельных цехах их заряжали, но наши военнопленные заряжали их опилками и клали туда записки «Чем можем, тем фронту поможем».

Когда Красная Армия вошла на территорию Германии, нас погнали вглубь этой страны. По дороге нас ничем не кормили. Дойдя до полей, мы копали картошку, варили ее и брали с собой до следующего привала. По дороге встречались убитые лошади, по которым уже ползали черви. Люди бросались на мясо, рвали кусками и ели, а немцы убивали их выстрелом в затылок разрывной пулей. Когда не было сил идти дальше, мы все садились,

даже если это было болото или какое-то другое место. Немцы натравливали на нас собак, но мы сидели, не поднимались.

2 мая 1945 г. в два часа ночи нас пригнали в лагерь Мальхов, филиал лагеря смерти Равенсбрюк. Нас загнали в барак, где было полно людей. Сесть негде, и мы всю ночь простояли, прижавшись друг к другу. Этот лагерь предполагалось взорвать вместе с узниками этой ночью.

Утром в 9 часов открылась дверь, и узники стали выходить во двор лагеря. Вскоре появились два солдата в советской форме с велосипедами. Люди с криками бросились к ним. Это были наши освободители, солдаты Красной Армии. Они подняли большое белое полотнище, чтобы не стреляли, так как здесь находятся политзаключенные.

Вот и пришел долгожданный день освобождения, но не всем суждено было вернуться на Родину. Голодные люди хватали еду, получали заворот кишок и умирали. Меня тоже беда не обошла, я сильно заболела. Но мы друг другу помогали. Со мной было 11 узников из г. Бобруйска, они меня не бросили. Когда я немного поправилась, мы стали собираться домой. Я вернулась в Борисов 18 июня 1945 г.

Люди, берегите мир, любите друг друга. Пусть наши дети, внуки, правнуки — все будут счастливы,

чтобы на их долю не выпало тех ужасов и страданий,
которые пережили мы.

г. Борисов, 2007